

посс ямщики солдат, лошади, устремленные вперед. Время белая, военное время, где дорога каждая минута. А связи не было. Ушедшие раньше двое, по одиночке, порывы не устроили, да и сами не вернулись. Что-то неизвестно творилось на линии. Поэтому ишло нас теперь пятеро. Нашли место повреждения провода. Оно оказалось у самого крутого обрывала высоты, где линия круто склонялась в сторону пологого склона. Один из нас оступился и чуть не свалился в пропасть. Его успели схватить за одежду и с труском выволочь назад. Сойти им нам пришлось с грохотом катились вниз. Значит, обрыв был кругой и высок. Свалившись туда — костяей не соберешь.

Восстановив связь, мы спустились к линии. Нагаская камней и успели тронуть из них пещеру похожую на дот, где я и Барыбин уселись на дежурство, оставленные следящими за беспредельностью связи. Тут мы и провели остаток ночи. Первый день я идем к нашему лагерю. Всегда сущающихся сумерках чутко рассматривалась немного прогореная, пепляя мяк каменьями, тропа. Поплыла чуть быстрее, но все равно темнота опередила нас. Наши противоположной стороне вершины вспыхнули яркий костер. Открыто — костер. Это было смешно и беспстрашно. А что теперь бояться? Наша армия двинулась на Берлин. На голово Фашистского зверя. Им теперь не до страха, закженного какими-то там связистами где-то в глухоманни Карпатских гор. Теперь мы уверенно шли на свет костра, на темные силуэты людей и лопасти леса. Вдоволь начертывавшиеся на фоне леса. Вдоволь начертывавшиеся и наклявши вдоволь Гитлера и гитлерят, наконец-таки добирались.

Теперь мы на месте, у костра рядом со своими боевыми друзьями, и все неизгоды остались позади, потеряв свою изначальную значимость. Вскоре к свету костра добавился свет весенней луны, потому особенно яркой. Она засияла всю окружу мягким бархатным сиянием. В такой тихой мирной, лучезарной обстановке да еще после обильного ужина фронтовиков всегда тянуло к линии. Все песни подряд мы любим слушать в исполнении боевого товарами

Мы поднимались по относи-
тельно верхней склону прокля-
тою Дуклинского перевала, кото-
рый вот уже как месяц штурмова-
вали части нашего 17 гвардей-
ского стрелкового корпуса, стре-
мясь прорваться на равнины Че-
хии. Мы — это я и мой фронто-
вой товарищ Иван Барыбин из
села Белоца Купянского района.
Высокий, стройный, красивый,
лег двадцати, парень. По-солдат-
ски подтянутый, в ладно сияв-
шей на нем неказистой красноар-
мейской форме. Даже знамени-
чье солдатские обмотки носил
он целовато, и они никогда не
разматывались у него на ходу.
Стало темнеть, но еще отчет-
ливо просматривались тут и там
торчащие кустики прошлогодней
пожухлой травы, многочислен-
ные крупные и мелкие камни,
почти сплошь обросшие мхом.
Несметное число трещин. Все
это почко приносило нам нема-
ло неприятностей. Ноги сломать
можно было запросто. Шло нас
такую пять связистов, дер-
жась за кабель проложенной ра-
нее тяги связи. Шли устремлен-
ными шагами, стараясь не сбить
из рук кабеля. Но кабель был
очень тяжел, и мы не могли
держать его на руках. Тяжесть
кабеля стала давить на плечи.
Сперва я не обратил на это
внимания, но вскоре ощутил
такую боль, что не мог держать
кабель на руках. Стало ясно, что
мы не можем пройти дальше
в таком положении. Надо было
остановиться, чтобы отдохнуть
и перекусить. Но мы не могли
остановиться, потому что если бы
остановились, то кабель бы
сполз с плеч и упал на землю.
Мы продолжали движение, стараясь
не сбить кабеля с плеч. Но
это было очень сложно, потому
что кабель был очень тяжел.
Мы продолжали движение, стараясь
не сбить кабеля с плеч. Но
это было очень сложно, потому
что кабель был очень тяжел.

Rueckus

которых выбиралась душу изанку. Устраивали смертоносные карусели над наими головами, которые теперь не были один, то другой вражеский самолет, оббитый пламенем, врезался в землю или взрывался в воздухе, так и не выйти из залежи, линой ими свистопыски. Все сплошь методично и шаблонно: артиллерия выпомолачивала окопы, из которых все больше и больше обсыпалась, и мы не успевали их углублять.

Затем налетали бомбардировщики, или в атаку танки, за ними нестройными рядами успевали пехота, зачастую пьяная. Нападающая пехота, даже мы, зеленые новобранцы, гляди на них, не давали никаким немецким танкам и самолетам, научились не бегать, зашившись яростным борот перегретых моторов танков или ворот сотен вражеских аэропланов. Глубже вживались в полузастрявшее окопы, знали: погибать, земля родная, не выдаст, не подведет... Победа здесь должна подвластна.

При захоронении наших убитых солдат и офицеров только под Ольховаткой Понтырями сообрали два мешка, и невещемпека, а именно мешка, красноармейских книжек, комсомольских и партийных билетов, офицерских удостоверений. А на всей Курской дуге сколько мешков? Одному Богу известно. А ведь из какой книжкой, билетом — живой человек, которого ждут дома жена, дети, родители, любящая бывшая. Вот так и погибли юные, — так погибли смелые, что дрались за Родину, жизни не падали для...

Погиб наш соловей Мухин. Похоронили его рядом с чужим немецким костелом, под звуки чужой органной музыки в чужую землю. Засыпали могилу. Поставили примитивную тумбочку, правда, с металлической звездочкой и надписью на куске фанеры: Мухин. 1925—1945.

Выходя за ворота ограды костела, оптичнула. Страшно сиротливо выплыла тумбочка на могиле Мухина, оставляемого нами навечно на чужбине.

Так и оборвалась русская песня.

Оживет ли...
Иван Бахромин

но сделать это невозможно. Встоп-
нило страшные бои за
Ольховатку и Поныри. Началась
историческая Курская битва.
Где мне, восемнадцатнemu паренку, довелось начать вой-
ну.

Семь дней фашисты непре-
рывно штурмовали наши пози-
ции. За эти семь дней все изме-
нилось вокруг до неизнаваемос-
ти. Мирная солнечная гладь хлеб-
ных полей, чей пюкай нарушали
разве что жаворонки своими ве-
сельми нескончаемыми песнями,
почернела, непрерывно напол-
нялась гулом танковых мото-
ров и грохотом разрывов. Гарь,
дым и пыль заволакивали небо-
склон, и даже солнце не проби-
вало их. Окрестности среди бела
дня покружились в темноту, как
в пору солнечного затмения. Не-
смотря на большие количества
наших самолетов, небо перио-
дически заполнялось самолетами
врага. И на нас ссыпались и сы-
пались бомбы любых калибров
и назначений. Не забывали фа-
шистские стервятники и свои
старые фокусы — сбрасывать
пустые продырявленные бочки,
издававшие дикий пронзитель-
ный свист. Или включали в ата-
ке специальные сирены, звук